



Г. И. ОБАТУРОВ

<Из дневников>

<Фрагменты>

1963 год 4 февраля. Москва.

Сегодня в 10.00 началось заседание Главного Военного Совета¹ в Свердловском зале Кремля. Присутствовали Хрущев, Косыгин, Брежнев, Суслов, Микоян, Шверник, Козлов (после перерыва Хрущев и Микоян отсутствовали). Маршал Малиновский сделал доклад о боевой готовности, оперативной, боевой подготовке. <...>.

1963 год, 8 февраля. Поезд Москва-Днепропетровск.

Сегодня в «Доме приемов» состоялся прием руководства партии и правительства участников заседания Гл[авного] В[оенного] С[овета]. Сначала собрались в конференц-зале к 12 часам.

Встретили аплодисментами Хрущева, Козакова, Брежнева, Микояна, Суслова, Косыгина, Шверника, Малиновского.

Малиновский доложил об итогах Гл[авного] В[оенного] С[овета] и военно-научной конференции. Затем, выступил перед нами Хрущев. Говорил о международном положении СССР, которое сейчас весьма благоприятно для нашей страны, соотношение сил в нашу пользу. Кеннеди говорит, что существует равновесие — это уже прекрасно, раньше всегда говорили о нашей слабости. Никогда раньше не было такого международного положения СССР (мой комментарий: но ведь только что был «кубинский кризис», вот-вот могла начаться война. Не слишком ли громко сказано о благоприятной международной обстановке?). Далее о Кубе. Операцию по вооружению и ракетам мы провели скрытно и хорошо. Я инициатор поставки туда ракет! Мы в президиуме долго думали и решили. Я инициатор их убрать. Что? Слабость? Спорю, надо ли было убирать, ибо никто не может сказать, напали бы или нет. Но надо было решать без риска. Зато мы вырвали у американцев обещание не нападать на Кубу. Если бы не ракеты — Кубы давно

не было бы. За 2 месяца до этого Кеннеди сказал Аджубею: «Для нас Куба то же, что в свое время Венгрия для СССР». Но Вы действовали до конца, а мы попытались и не довели до конца (имеются ввиду войска). В этом наша ошибка».

Так мы выиграли в районе Кубы (мой комментарий: не дай бог таких выигрышей впредь, ибо выигрыш, когда вот-вот война, ядерная война, никому не нужен. Нужно уметь выигрывать без крайнего обострения — в этом искусство подлинного военного диплома[та]). Теперь все зависит от Кубы, как они наладят внутренние дела. Пока много лозунгов, но мало дел. «Родина или смерть». Умирать они умеют, они революционеры и герои. Но экономику строить не умеют. В прошлом году мы спросили делегацию: «Едят коровы сахарный тростник?» Они не знают. Мы везем им картофель, а у них почвы исключительно плодородные. На этом острове можно сделать рай. А пока у них голод, все везут. Мы написали Фиделю Кастро об этом откровенно, и, он, кажется, начинает понимать. Если они улучшат жизнь широких масс — их не сломать. Германская проблема и Берлин: за последние годы она не является первоочередной и наиболее острой (?). Установив пограничную «стену», мы решили многие вопросы ГДР. Экономика ее подрывалась, люди начали уходить на запад. А теперь — другое дело. Если германский вопрос до этого интересовал, прежде всего нас, то теперь он интересует весь мир и больше запад. Мы — хозяева для Берлина. Берлинская проблема хуже для США, чем для нас. Мы как за хуй с яйцами взяли за Берлин и можем дергать в любое время за него Кеннеди. И будем дергать и не отрывать до времени.

Теперь в мире нет таких проблем, где бы нужно было воевать. Наше положение прочно.

О Китае: нормально мыслящему человеку нельзя понять, чего китайцы хотят. Разногласия всюду, но если разбираться с ними в деталях, то вроде разногласий нет. Это, видимо, то же, что было у нас при Сталине! Но со временем уладится. Мао-Цзедун в 1958 говорил, что не знаем, куда девать рис, а к концу года сказал: «Нас подвели». Риса не хватало, мыльный пузырь. Это не украшает тех, кого подводят. Он — «вождь» — ему верили. О коммуне, мы сказали, что в стране с разрушенной экономикой Ленин ввел НЭП, а через НЭП — к коммуне, а сразу к коммуне — не выйдет. Мы сказали, что это дело ваше. Ну, и ничего не вышло. Они хвастают, что все физически работают, начиная с Мао. Но ведь на первом субботнике Ильич нес бревно, но только на первом. Зачем же делать не нужное? Если Малиновского сейчас заставить работать на токарном станке, то ничего он не сделает и станок

сломает. Каждый должен делать свое дело. Страна голодает, а они говорят, что сила народа — только в его политической зрелости. А какая политика без экономики, без хорошей партии?

О борьбе за мир. Вообще мир восторжествует, когда у нас будет полное превосходство. Но пока надо уметь сохранять мир. Впервые в истории американцы говорили с нами о зоне Америки, договаривались об американском континенте. А раньше не считались с нами даже в Европе. Правда, Сталин заставил считаться, он сделал блокаду Берлина². Но это было хуже, лучше наш лозунг мирного договора (?), он притягивает к нам людей. Вы — люди военные, кто из вас беспокоится о смене профессии, то зря, это будет очень и очень нескоро. Де-Голь страдает манией величия, поэтому не всегда поймешь, что он хочет. Когда мы с Малиновским с ним встречались во Франции, то он сказал, что мы вас, русских, очень боимся. Вы стали очень сильны. Нам без Германии с вами трудно. Поэтому Де-Голь будет стремиться сохранить против нас сильную Германию. Но он заявил — что его цель — выгнать из Европы американцев. Но наша цель та же, и Де-Голь отчасти помогает. Но буржуазная Европа боится остаться без американцев против нас.

Внутренние вопросы армии. Вооружение хорошее. Конечно, все вы говорите, что мало, надо больше. Много — хорошо, но не всегда разумно, т. к. техника стареет, за год новой техникой не оснастишь. Бдительность и дисциплина должны поддерживаться. Варенцева знаю по фронту. А он продвигал через Серова офицера, который оказался шпионом, врагом³. Пеньковского выгнал атташе из Турции с убийственной характеристикой. Серов предложил, чтобы была хорошая характеристика. Что с Варенцовым делать? Судить? Во всяком случае, снизить в звании придется много. А Серов? Он доверял Пеньковскому, последний, сопровождал семью Серова в Лондон, давал условленные встречи, взял обязательства перед иностранными разведками. Пришел к американцам сам — прогнали — думали, что провокатор, пришел к англичанам — приняли⁴. Он сын белого генерала, разве не видно было это.

С. П. Иванов выболтал Панову много тайн. Я с ним готовился к «кубинской операции», а он рассказал Панову. Панов попался на том, что дал взятку тем, кто составляет генеральские списки. И получил генеральское звание. Ч...⁵ много и долго поддерживал Иванова и Панова. Он рекомендовал Якубовскому Панова, хотя доверия Панов не имел. Иванова я знал, он у Ватутина был старательным, но видимо карьерист. Что делать? Кто выбалтывает тайны, тот погубит страну. Судить? (Голос: «Да, судить!»). Москаленко много болтал адъютанту, теперь этого адъютанта

посадят. Я Москаленко знал по фронту, уважал его, но простить нельзя! Отношение должно быть человеческое, но и служба страдать не должна. Адъютанты не должны знать то, что знают большие начальники. Нужно подбирать адъютантов. Кто нарушает долг, того нужно наказывать...

Как всегда, Хрущев говорил без записей, сбивчиво, нервно, с заиканием. После выступления Хрущева поднялись наверх, в зал приемов. Накрыты столы буквой «П». Поднимались тосты:

Хрущев — за народ, партию и армию;

Малиновский — за партию, ЦК и Хрущева;

Еременко — за Хрущева;

Захаров — за партию, ЦК и Хрущева;

Заключительный тост Хрущева — за армию и всех присутствующих. Он далее сказал, что войну может развязать и дурак, но найти умного, который хорошо ее закончит в век ядерного оружия (это он, возвращаясь к вопросу о привозе и увозе ракет с Кубы) тяжело.

1964 год 9 ноября. Днепрпетровск.

Встретился с чл. ВС В. В. Щербицким. Мы поговорили о разных делах, а потом, я, как бы, между прочим, сказал: «В. В., сейчас уже можно, наверное, сказать о том несчастье, которое Вам пришлось пережить (я имел в виду освобождение от обязанностей председателя СМ УССР в августе 1962). Он ответил, что собственно, не несчастье, но об этом не стоит говорить (кстати, мне Дмитриев говорил, что на активе после октябрьского пленума, освободившего Хрущева, товарищ Щербицкий сказал, что он выступал против разделения промышленных и сельских органов и за это пострадал. Далее в разговоре он сказал, что эта сука Иващенко, узнав о подготовке Президиума по Хрущеву, пыталась сообщить ему об этом. Звонила Семичастному, сумела сообщить что-то зятю Хрущева — Аджубею. А когда спросили ее после пленума, зачем она это делала, то сказала, что «боялась заговора». Она ведь держалась только за счет Хрущева, ценности никакой не представляет. Я сказал Дмитриеву, что Щербицкий выступил против нее очень резко на Президиуме ЦК КПУ, когда готовился вопрос о Хрущеве). Затем Щербицкий сказал, что сейчас мы не должны поднимать шума, а по-деловому перестраиваться: «Я останусь здесь. Мне звонил Брежнев, спрашивал. Я сказал, что хочу остаться. Он спросил, искренен ли я и я сказал, что да»!

11 ноября. Днепрпетровск.

Сегодня Панин, начальник отделения пропаганды и агитации, который был на сборе в Москве рассказал основы содержания

доклада Малиновского на активе центрального управления МО после октябрьского пленума:

Хрущев совершил немало ошибок в военном строительстве, будучи невеждой в военной области. С ракетами на Кубу была авантюра, которая едва не закончилась войной. Он поставил страну на грань ядерной войны. Сокращение на 1200 тысяч в 1960 было недопустимым и был нанесен ущерб. Большой вред — значительный в авиации и боевых кораблях. Вмешивался в ряд вопросов, не разбираясь в них. Протаскивал плохие ракеты своего сына⁶ и отстранял хорошие. Только хитростью мы сумели поставить на производство лучшие ракеты. Летом этого года, посмотрев новейшие ПТ⁷ средства, приказал прекратить производство танков, т. к. «они в современной войне бесполезны». Неоднократно ставил вопрос резко снизить оклады военным и военные пенсии.

1974 год 21 июня. Москва.

Что касается нашего политического руководства, то нужно сказать следующее: авторитет Жукова в народе столь велик, что убоился этого даже Сталин. Вернее, забеспокоился, думая, что это вредно скажется на авторитете ЦК, его — Сталина, следовательно, отрицательно скажется на делах. И (кажется в 1948) Жуков был снят с высокого поста и послан командовать небольшим, Одесским округом, а затем еще меньшим — Уральским⁸. Это было необоснованное гонение, ошибочное и вредное для нашей страны.

Положение с работой Жукова поправилось неожиданно. Хрущев стремясь укрепить свой авторитет и принизить роль Сталина, возвращает Жукова на роль заместителя МО (кажется в 1954), а позже и на роль МО. Народ и армия восприняли это очень хорошо. Жуков стал работать, авторитет его рос. Он стал членом Президиума ЦК КПСС. Испугался роста авторитета Жукова и Хрущев, только испуг его был другой: у Сталина — прежде всего за успех дела, у Хрущева — за свой авторитет. И поскольку Жуков вершил дела в МО без ошибок, то он был отстранен со всех постов, исключен из членов ЦК КПСС и оставлен без дела. И это — через 8 месяцев после того, как он получил четвертое звание Героя СССР!⁹

В такой мере не было никакой необходимости. Во-первых, ошибки не были столь тяжелыми, чтобы снимать этого выдающегося человека с работы. Во-вторых, Жуков не таков, чтобы он не понял внушения и не исправил свои ошибки. Он бы все сделал. Но дело в том, что Хрущев думал о своем величии, своем единоличном авторитете и боялся, что у кого-либо и, в частности, у Жукова авторитет сравняется с его, авторитетом Хрущева (?).

Но как бы не действовали политики, историю не перекроить. Жуков есть Жуков. Он признан народом, а многие из тех, кто искусственно поднимает свою славу, через 10–15 лет будут забыты. Жуков же навсегда останется в народе — ибо это правда. Хотя Хрущев немало сделал для страны, но он и совершил много ошибок. То, что сделал хорошего Хрущев, стоит лишь десятой части того, что сделал Жуков. Вот почему, если и вспоминают Хрущева, то лишь в связи с ошибками. А воспоминания о Жукове всегда связаны с величием патриота, воина и полководца.

1975 27 августа. Москва.

Вспомнились некоторые интересные разговоры.

Старейший секретарь обкома страны — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Горячев¹⁰ 15 сентября 1974 рассказывал Москаленко, мне, Хлопенко, Хомуло и др. в гостинице ВС, СибВО: (...)

«Первый секретарь ЦК КПУ Мельников доложил Сталину о 600 млн. пудов хлеба, погубленных на Украине при Хрущеве. Последнему попало от Сталина. Позже, придя к руководству, Хрущев устранил Мельникова¹¹».

«Работник ЦК КПСС Гусаров доложил о кадровых делах секретарю РК и обкомов на Украине — о беспартийных, которых преследовал Хрущев. Сталин выступил на заседании Политбюро и сказал Хрущеву: "Зачем бить и материть заслуженные, преданные кадры, надо беречь". Когда к руководству пришел Хрущев, то он расправился с Гусаровым¹², а также с секретарем Тамбовского обкома Никитиным, устранив от руководства».

